Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/BSBFXE
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Н.В. ГОГОЛЬ И К.Н. ЛЕОНТЬЕВ: РЕЦИДИВЫ ЗАПАДНИЧЕСТВА В «КОНСЕРВАТИВНОЙ» КРИТИКЕ

© 2022 г. И.А. Виноградов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 28 декабря 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 28 июня 2021 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-120-143

Аннотация: Статья посвящена проблеме восприятия К.Н. Леонтьевым наследия Н.В. Гоголя. Писателей, близких по мировоззрению, разделяло непонимание, в основе которого лежали интерпретации гоголевского наследия в радикальной критике. Причина негативного отношения Леонтьева к гоголевской сатире заключается в том влиянии западнической идеологии, которое будущий критик испытал в студенческие годы. Сообщенное Леонтьеву И.С. Тургеневым мнение А.И. Герцена о Гоголе как «бессознательном революционере» стало решающим в его восприятии гоголевских произведений. После случившегося впоследствии идейного «перелома», когда критик стал придерживаться консервативных взглядов, его понимание Гоголя осталось неизменным. Как и в юности, когда авторитетами для Леонтьева были В.Г. Белинский, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, он по-прежнему оценивал гоголевское наследие исключительно в контексте обличительной литературы «натуральной школы».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, К.Н. Леонтьев, биография, творчество, интерпретация, герменевтика, полемика, литературная критика, консерватизм, либерализм, общественная идеология, духовное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-9151-4554

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Для цитирования: *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и К.Н. Леонтьев: Рецидивы западничества в «консервативной» критике // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 120–143. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-120-143

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

N.V. GOGOL AND K.N. LEONTIEV: RECURRENCE OF WESTERNISM IN "CONSERVATIVE" CRITICISM

© 2022. Igor' A. Vinogradov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: December 28, 2020
Approved after reviewing: June 28, 2021
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article covers the problem of K.N. Leontiev's perception of the N.V. Gogol's heritage. They were close in worldview but divided by a misunderstanding based on the interpretation of Gogol's legacy in radical criticism. As the student Leontiev experienced the influence of Western ideology, which led to his negative attitude towards Gogol's satire. Decisive for him was the opinion of A.I. Herzen about Gogol as an "unconscious revolutionary," reported to Leontiev by I.S. Turgenev. After the ideological "breakthrough" that followed, when the critic began to adhere to conservative views, his understanding of Gogol's work remained unchanged. As in his youth, when the authorities for Leontiev were V.G. Belinsky, I.S. Turgenev, A.I. Herzen and N.G. Chernyshevsky, he continued to evaluate Gogol's heritage exclusively in the context of the accusatory literature of the "natural school."

Keywords: N.V. Gogol, K.N. Leontyev, biography, creativity, interpretation, hermeneutics, polemics, literary criticism, conservatism, liberalism, social ideology, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-9151-4554

E-mail: iwinigradow@mail.ru

For citation: Vinogradov, I.A. "N.V. Gogol and K.N. Leontiev: Recurrence of Westernism in 'Conservative' Criticism." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 120–143. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-120-143

Целая плеяда писателей XIX в. ведет свое начало от Гоголя. Целый сонм критиков, публицистов и исследователей возрастали на его наследии. Не составляет исключения и известный писатель, критик и мыслитель второй половины XIX столетия Константин Леонтьев (1831–1891). Исследователи отмечают двойственное отношение Леонтьева к Гоголю. С одной стороны, несомненен целый ряд сходных черт, «роднящих» Леонтьева с Гоголем. Леонтьева объединяет с Гоголем развитое эстетическое чувство, одинаково обостренное восприятие смерти, «эсхатологическая тревога», критика пошлости и мещанства, близкие аскетические идеалы [14, с. 56–57], пристальный интерес к славянской теме и размышления о самобытном пути России [21, с. 42]. С другой стороны, Леонтьев воспринимал Гоголя как родоначальника «натуральной школы» — и в этом качестве писатель сначала служил для Леонтьева образцом и примером для творчества, а затем стал ему антипатичен [21, с. 41].

Как это часто бывает, становление нового происходит не без спора юного поколения с предшественниками, не без желания оставить «отцов» позади. Леонтьев признавался, что задумал превзойти Гоголя еще в середине 1850-х гг., когда прочел в некрасовском «Современнике» «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевского: «Помню, в одном месте было у него сказано, что “при всем великом значении Гоголя, нет никакого сомнения, что у нас будут со временем писатели более гениальные, чем он”... Я тогда, помню, положил книгу, задумался о том, — *не я ли* один из этих будущих писателей...» [34, т. 6, кн. 1, с. 120]. Спустя несколько лет стремление «затмить» Гоголя превратилось у Леонтьева в намерение вообще «положить конец» гоголевскому влиянию. Об этом критик сообщал

в исповедальном письме к Вс.С. Соловьеву от 18 июня 1879 г.: «Я возмечтал быть примером, учителем, я хотел (вообразите!) открыть другим глаза... Я вознесся в своем уединении до того, что мнил положить конец — *Гоголевскому влиянию,* которое я признаю *во всех,* исключая пожалуй Толстого, который по крайней мере давно уже борется против гоголевщины — отрицанья, комизма и т. п. в самом *содержании* своем» [33, с. 238; 19, с. 785–786].

Неприятие «гоголевщины» в русской литературе XIX в. представляет собой одну из неизменных составляющих критического наследия Леонтьева. По словам отца Иосифа Фуделя, Леонтьев «сотни раз» указывал ему «на грехи и ошибки Гоголевской школы, видевшей в русской жизни только одни уродства и искажавшей действительность» [39, с. 459]. Проблема резкого расхождения между двумя писателями (при отмеченной общности целого ряда присущих им черт) представляет собой своего рода загадку и остается до сих пор неизученной.

Сразу следует оговориться, что, при всем уважении к трудам Леонтьева как мыслителя, искать у него глубокого понимания Гоголя не приходится. В осмыслении гоголевского наследия Леонтьев не выходит за рамки традиционных, стереотипных представлений, сложившихся в его время. В понимании Гоголя с значительным перевесом над другими толкованиями преобладала тогда точка зрения В.Г. Белинского. Белинский, кумир тогдашней интеллигенции, хотя и не оставил, как намеревался, подробного разбора сочинений Гоголя, однако его хлесткие суждения насчет гоголевских произведений — вызывавшие неизменные возражения самого Гоголя, — нравились либерально настроенным современникам больше, чем суждения «консерваторов». Современник Леонтьева, критик Ю.Н. Говоруха-Отрок, в 1892 г. указывал: «Далеко ли мы ушли в понимании его <Гоголя> созданий?.. <...> ...Со времен Белинского мы только и пришли к тому, что отделываемся от Гоголя ходячими фразами...» [29, с. 760–761]. За таким же частоколом «ходячих фраз», расхожих суждений о Гоголе оказался и Константин Леонтьев.

Разгадка негативного отношения Леонтьева к гоголевскому наследию кроется в начальных этапах его становления как критика. Подобно Ф.М. Достоевскому, Леонтьев тоже начинал свой путь в окружении западников и так же, как Достоевский — как бы повторяя судьбу этого писателя, — перешел в зрелом возрасте из либерального окружения к открытому

религиозно-патриотическому служению. Однако некоторые понятия, полученные Леонтьевым в юности, остались с ним надолго, едва ли не навсегда. В полной мере это относится к суждениям критика о Гоголе.

«Живым» передатчиком мнений западников о Гоголе — Белинского, Герцена — был для Константина Леонтьева И.С. Тургенев. Для Тургенева, в период его знакомства с Леонтьевым, Белинский и его известное зальцбруннское письмо к Гоголю составляли, по собственному признанию Тургенева, «всю его религию» [31, т. 2, с. 896]. Хотя впоследствии, в 1885 г., сам Константин Леонтьев называл письмо Белинского к Гоголю «отвратительным» [34, т. 7, кн. 1, с. 102; 34, т. 7, кн. 2, с. 332], однако в те же годы, в 1887–1888 гг., признавался, что в юности его кумирами были именно Белинский и Тургенев (равно как и Герцен и Чернышевский). Леонтьев был воспитан, по его собственному признанию, «на Ж.-Санде, Белинском и Тургеневе», в юности был «почти нигилистом» [34, т. 8, кн. 1, с. 297], отдал и сам дань в своем творчестве «натуральной школе» Белинского[1]. Мало что изменилось в понимании критиком гоголевских художественных образов и после случившегося с Леонтьевым в начале 1860-х гг. «перелома» [34, т. 8, кн. 1, с. 298]. Несмотря на «перелом», Леонтьев до конца жизни продолжал придерживаться тех западнических интерпретаций гоголевского творчества, какие получил в юности. Ю.П. Иваск отмечал: «...Леонтьев Гоголя не понимал... или же понимал его по Белинскому, Чернышевскому, для которых он был родоначальником обличительного направления...» [15, с. 534]. Изменилась с годами лишь оценка наследия Гоголя — от подражания к отрицанию. По наблюдению современных исследователей творчества Леонтьева В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко, членов Группы по изданию и изучению наследия критика в Пушкинском Доме, Белинский был одним из авторов, «сформировавших мировоззрение Л<еонтьева>; его влияние оставалось сильным и после произошедшего с Л<еонтьевым> в 1860–1861 гг. переворота» [20, с. 608]. Как указывает В.А. Котельников, в целом выступления Леонтьева-критика «по общему взгляду на литературу, темам и способам рассмотрения произведений достаточно обычны для русской

1 В частности, одобрительно оценивая в 1874 г. «Семейную хронику» С.Т. Аксакова, Леонтьев замечал: «Тут нет этих фальшивых звуков — тех взвизгиваний реализма, которыми богат Тургенев и к<ото>рым платил дань и я... увы... под влиянием его <Тургенева>, Гоголя... и других...» [34, т. 6, кн. 1, с. 48].

критики 1840–1870-х гг. и лишь конкретными оценками разнятся с выступлениями В.Г. Белинского, И.В. Киреевского, В.Н. Майкова, К.С. Аксакова, А.В. Дружинина, П.В. Анненкова, Н.Н. Страхова, а кое в чем близки даже к суждениям Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова» [17, с. 533].

Много лет спустя, в 1888 г., Леонтьев вспоминал, что в 1851 г. Тургенев в разговоре с ним, рассуждая о Гоголе, сообщил ему, двадцатилетнему студенту Московского университета, «одобрительно мнение Герцена о том, что “Гоголь бессознательный революционер”, потому что он изображает русскую жизнь с [отвр<атительной>] самой пошлой, возмутительной точки зрения...» [34, т. 6, кн 1, с. 735; 34, т. 6, кн. 2, с. 228; 31, т. 3, с. 834]. «Мнение Герцена» было, очевидно, вынесено Тургеневым из его бесед с Герценом в Париже в 1847–1849 гг. Ему соответствует ряд суждений Герцена о Гоголе, высказанных в статье “De developpement des idées revolutionnaires en Russie” («О развитии революционных идей в России», 1850) [34, т. 6, кн. 2, с. 579–580]. Дойдя до Гоголя, эта статья Герцена вызвала, как известно, его резкую критику [7, с. 132–134, 136].

По словам Леонтьева, «одобрял» Тургенев суждение Герцена о Гоголе как «революционере» «в том смысле, что Герцен верно понял *тот род влияния,* который <...> могут иметь сочинения Гоголя, независимо от собственной воли автора и неожиданно для его сознания» [34, т. 6, кн. 1, с. 735; 31, т. 3, с. 834].

Леонтьев с этим мнением был вполне согласен, даже называл его «истиной»: «Я <...> *запомнил твердо слова Тургенева* о том, что Герцен был первый, который [высказал истину о Гоголе] высказал о Гоголе такое мнение: “Он бессознательный революционер”» [34, т. 6, кн. 1, с. 737; 34, т. 6, кн. 2, с. 229].

Мнение Белинского, Герцена, Тургенева и др. о «революционности» Гоголя[2] студент Леонтьев воспринял настолько глубоко, что спустя десятки

2 Ср. также суждение И.В. Сталина (Джугашвили), высказанное в 1937 г. в беседе с германским писателем Л. Фейхтвангером: «Вот, например, Гоголь и его “Мертвые души”. Мировоззрение Гоголя было бесспорно реакционное. Он был мистиком. Он отнюдь не считал, что крепостное право должно пасть. Неверно представление, что Гоголь хотел бороться против крепостного права. Об этом говорит его переписка, полная весьма реакционных взглядов. А между тем, помимо его воли, гоголевские “Мертвые души” своей художественной правдой оказали огромное воздействие на целые поколения революционной интеллигенции сороковых, пятидесятых, шестидесятых годов» [23, с. 447].

лет, несмотря на свершившуюся с ним духовную эволюцию, оно оставалось решающим для всех его последующих высказываний о Гоголе.

Именно мысль о Гоголе как «бессознательном революционере» Леонтьев повторил в письме к В.В. Розанову из Оптиной Пустыни в 1891 г. (за четыре месяца до своего монашеского пострига и за семь месяцев до смерти): «Читаю ваши статьи постоянно. *Чрезвычайно* ценю ваши смелые и оригинальные укоры *Гоголю*; это *великое* начинание. Он был очень вреден, хотя и непреднамеренно» [33, с. 565; 21, с. 73, 207]. Это же мнение явилось основой для наиболее известной критической оценки Гоголя Леонтьевым в статье «Анализ, стиль и веяние. (О романах гр. Л.Н. Толстого)» 1890 г. — главном и самом обширном труде критика. Здесь Леонтьев заявлял: «Практика <...> художественная <...> подпала под <...> влияние Гоголя <...> *под влияние его* <...> *ядовитых, мрачных односторонне-сатирических произведений*... <...> ...Из духа <...> *петербургских* повестей Гоголя вышел и развился <...> болезненный и односторонний талант Достоевского <...> почти весь Салтыков вышел из "Ревизора" и "Мертвых душ"» [34, т. 9, с. 315–316].

Выступая против «гоголевского направления» в русской литературе, «отшельник» Леонтьев следовал установившимся стереотипам — не замечая, что выступает не против Гоголя — носителя, от самой юности, глубоких христианских взглядов, — но против тех радикальных интерпретаций его наследия, против которых решительно выступал сам писатель. Весь пафос критических высказываний Леонтьева направлен, по сути, не против Гоголя, а против тех его мнимых «продолжателей», представителей «натуральной школы», настоящим «отцом» которой был не Гоголь, а критик Белинский, а действительными истоками — не гоголевское творчество, а произведения тогдашней «неистовой», «волканической» французской словесности. На эти — *не*-гоголевские корни «натуральной школы» неоднократно указывали современники Гоголя, князь П.А. Вяземский [13, с. 127–128; 26, с. 418], С.П. Шевырев [41, с. 348], Ю.Ф. Самарин [38, с. 193–194], П.В. Анненков [31, т. 3, с. 512], подчеркивал это и сам Гоголь [7, с. 68–69, 85, 103]. Об «отвратительной подлости нынешней французской литературы» много раз писали А.С. Пушкин [36, т. 15, с. 29] (см. подробнее: [19; 12]) и А.С. Хомяков [40, с. 350]. Через очевидное влияние французской литературы прошли И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский — последний тоже начинал свою литературную деятельность как представитель «натуральной школы».

Однако прямые свидетельства современников на этот счет до Леонтьева не дошли. Напротив, критик рассуждал прямо вопреки подлинной истории. Он заявлял: «…Я уже давно говорю, что если французская литература ищет всегда возвысить тон и краски изображаемой жизни, то русская, напротив, никак не может даже и до реальной жизни дорасти. Сначала Гоголь приемами, а революционеры позднее и *настроением* точно будто атрофировали, заморозили нас, подстригли нам крылья…» [34, т. 6, кн. 1, с. 86].

В начале 1880-х гг., как и позднее в статье «Анализ, стиль и веяние. (О романах гр. Л. Н. Толстого)», Леонтьев в повести «Египетский голубь» упоминал о своей «ненависти» к «нынешнему стилю à la Гоголь, Шедрин, [Некр<асов>] Медрин и К<омпания>» [34, т. 5, с. 403, 697]. Принципиального отличия Гоголя от представителей «натуральной», радикальной школы Леонтьев не видел, демонстрируя таким образом очевидную близорукость как критик. Вне его внимания оказалось не только обличение Гоголем западной французской литературы, но и негативное отношение писателя к радикальной немецкой схоластике [10]. Главенствующим для Леонтьева во все периоды его критической деятельности оставалось мнение о Гоголе как «стихийном революционере». Вскоре после своего «эстетического переворота», т. е. после того, как Леонтьев «стал находить, что Гоголь какой-то гениальный урод» [34, т. 8, кн. 1, с. 298], критик писал: «С влиянием общеевропейского реализма XIX века, тесно связанного с успехами точных наук, и объективности, близкой и к реализму, и к пантеистическому духу немецкой философии, соединено у нас влияние Гоголя. Вышло так, что реализм и объективность у нас приняли характер особенно отрицательный. Полагалось, что у нас быть верным жизни — значит насмешливо смотреть на нее» [34, т. 9, с. 84].

Безусловно, при желании, при определенном усилии со своей стороны Леонтьев мог бы преодолеть сложившуюся традицию поверхностно-либерального истолкования гоголевского наследия. Достаточно было обратиться к известному духовному автокомментарию Гоголя к его творчеству — знаменитой книге «Выбранные места из переписки с друзьями», которая в свое время привела в «бешенство» радикала Белинского (по собственному признанию критика [25, с. 340]). Однако и здесь Леонтьева ожидало препятствие, преодолеть которое ему не удалось. Вместе с искаженным восприятием художественного наследия Гоголя с юности он получил и

негативное, на всю жизнь, отношение к духовной прозе писателя. В оценке «Выбранных мест из переписки с друзьями» Леонтьев тоже унаследовал либерально-западнический взгляд. В 1888 г. он писал: «Если бы “Переписка Гоголя с друзьями” была *сама по себе хороша,* то я был бы совершенно согласен с ним... Но я недавно вздумал перечесть эту переписку, и что же? — грубая, какая-то изломанная и напыщенная *манера* его оттолкнула меня от этих писем, точно так же, как она оттолкнула меня *в 51-м году* (т. е. в год знакомства с Тургеневым. — *И.В.*), когда я в первый раз с этой перепиской познакомился (37 лет расстояния и все то же впечатление!)» [35, с. 512].

Год за годом последователи натуральной школы старательно выстраивали «аргументы» в пользу своего «понимания» гоголевского наследия, вербуя писателя, посмертно, под свое «знамя». Чернышевский в 1855–1856 гг., намеренно игнорируя открыто и недвусмысленно выраженное самим Гоголем противостояние западникам, создал цикл статей, назвав их «Очерками *гоголевского* периода русской литературы», — где, вопреки заглавию, рассуждал не о Гоголе, а лишь о Белинском и его «школе», т. е. о единственно верном, по мнению Чернышевского, взгляде критика на общество и гоголевское творчество. (На очевидное несоответствие названия очерков Чернышевского их содержанию указывали впоследствии как дореволюционные критики — А.М. Скабичевский, С.А. Венгеров, так и советские исследователи — В.В. Буш, Г.О. Берлинер [22, стб. 280–281; 4, с. 250; 2, с. 208–209; 1, с. 494, 502–503; см. также: 24, с. 58, 64].) Надо было быть очень глубоко погруженным в западническую идеологию, чтобы не увидеть того очевидного факта, что за Гоголя и *гоголевское* начало в литературе Чернышевский выдавал Белинского и его «натуральную школу». Так или иначе, но для Леонтьева статья Чернышевского осталась авторитетной даже тогда, когда он стал придерживаться консервативных взглядов. Об этом свидетельствует апологетическое по отношению к Чернышевскому признание Леонтьева в статье «Моя литературная судьба» 1875 г.: «В 56 и 57 годах <...> я <...> читал статью Чернышевского “Критика Гоголевского периода”[3]. Чернышевский тогда еще не развернул вполне своего революционного отрицательного

3 Вместо названия статьи Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» Леонтьев ошибочно приводит название статьи А.В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы...», которая представляет собой полемический ответ Чернышевскому.

знамени; он был в то время еще *эстетик 40-х годов;* молодой, начинающий, но уже очень хороший писатель. Большая статья эта очень мне нравилась, потому что формулировала ясно и очень подробно именно тот взгляд, который я сам имел на Гоголя, Белинского и других замечательных людей 40-х и первых 50-х годов» [34, т. 6, кн. 1, с. 120].

Таким же активным, как Чернышевский, интерпретатором Гоголя в духе Белинского был и студенческий наставник Леонтьева Тургенев [8, с. 73–79], так что Леонтьеву, при его критическом отношении к «Выбранным местам из переписки с друзьями», при подавляющем, повальном господстве взглядов радикальной критики на наследие Гоголя просто не на что было опереться, чтобы приблизиться к пониманию подлинного смысла гоголевских произведений. Леонтьев поддался общему течению — лишь изменив впоследствии оценку гоголевского наследия с плюса на минус, — особенно не вдаваясь в то, справедлива ли вообще была общая линия радикализации произведений Гоголя, навязанная обществу тогдашними либеральными критиками. Используя определение Гоголя, Леонтьев, вольно или невольно, оказался в роли тех «задних чтецов, привыкших держаться за хвосты журнальных вождей», обличая которых, писатель отстаивал подлинный смысл своего творчества [30, т. 6, с. 28].

Полного единомышленника в негативной оценке «отрицателя» Гоголя Леонтьев, как известно, нашел себе в 1891 г. в Розанове. Кроме упомянутого письма от 13 апреля Леонтьев писал к нему же спустя полтора месяца, тоже из Оптиной: «Вы уже тем подкупили меня <...> что *имели неслыханную у нас смелость впервые с 40 годов заговорить неблагоприятно о Гоголе.* Это большая смелость и великая заслуга. Сочинения <...> его <...> очень обманчивы и вредны; я тоже писал об этом кое-где мимоходом; но я стар, а вы молоды. Честь и слава вам за это!» [33, с. 578; 37, с. 97, 236].

Подтверждения своей критики Гоголя Леонтьев искал также у старцев Оптиной Пустыни, а именно у преподобного Амвросия Оптинского: «Я все надеялся, что найдется внезапно какой-нибудь <...> человек, который осмелится заговорить <...> *противу* всеобщей *Гоголевщины* <...> и особенно против порчи языка и внешн<его> стиля. <...> Превосходное мнение о Гоголе В.В. Розанова попалось мне только нынешний (91) год; а моя статья писалась года 2 и более тому назад. — Я насчет Гоголя согласен с Роз<ановым>, а не с Говорухой. — (Между прочим: Насмешки и сатира старцами

не рекомендуются. — От<ец> Амвросий больше сочувствует отречению Гоголя от своих сочинений, чем самим сочинениям)» [37, с. 758].

Слава «бессознательного», а то и «сознательного» «революционера», созданная Гоголю радикалами, послужила критическому отношению к наследию писателя не только Леонтьева и Розанова, но и некоторых духовных лиц (преимущественно тех, кто лично Гоголя не знал). Так, «тень Леонтьева» вполне ощутима в характеристике наследия Гоголя в известной книге С.А. Нилуса «Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. (Келейные записки Оптинского иеромонаха Евфимия Трунова и отрывки из Оптинского монастырского архива)» (1910). Для Нилуса дневник иеромонаха Евфимия (1809–1886) послужил, по его собственному свидетельству, «канвою» для выражения «коллективного Оптинского духа» [31, т. 3, с. 799]. Влияние Леонтьева как бывшего насельника Оптиной Пустыни, предположительно, сказалось в следующих строках книги Нилуса: «Лукавое, оязычившееся время наше <…> утратило разумение <…> писательского дара и <…> отводит его <…> в бездну глубин сатанинских… <…> Духом отрицанья <…> дышат произведения новейших светских писателей, явной и тайной насмешкой проникнуты они, ядовито осмеивая не только то, что достойно, как слабость, сожаления и исправления, но и самую добродетель и святое святых сокровенной человеческой души. <…> Гоголю со всей его чистой христианской душой, с сердцем, напоенным Христовой истиной, не удалось миновать общего течения взбаламученного житейского моря… <…> Талант, данный на созидание, обратился на разрушение…» [31, т. 3, с. 798].

Эта же пресловутая «слава» «революционера» стала дополнительным препятствием к прохождению произведений Гоголя в цензуре — произведений, которые самим писателем, по его признаниям, создавались в духе правительства — в соответствии с началами Православия, Самодержавия, Народности (см., в частности: [5; 6]).

Следует подчеркнуть, что в оценке произведений «натуральной школы» «консерватор»-Леонтьев был по-своему прав. Движение сатиры после Гоголя всегда было «вниз», в политику, в осуждение ближнего, в разрушительную антигосударственную и антиправительственную критику. В этом смысле в оценке последующей, послегоголевской литературы взгляды Леонтьева оправданы и заслуживают серьезного внимания (чем, собственно, и объясняется — мотивировано — предположительное появление их в кни-

ге Нилуса). Но о том, что представляет собой сатира самого Гоголя, Леонтьев, поддавшись общему мнению, по сути, даже не задумывался. «Яркого "Тараса Бульбу"» он называл «гениальным творением» [34, т. 9, с. 42]. Герой его повести «Второй брак» (1860) предполагает даже «писать оперу, которой либретто должен был быть "Тарас Бульба"» [34, т. 1, с. 286]. Но понять, что создатель «Тараса Бульбы» и «Ревизора», «Рима» и «Мертвых душ» — это один и тот же писатель-христианин, одно и то же лицо, Леонтьев даже не попытался. Сквозь искажающую маску, которая была навязана Гоголю радикальной критикой, Леонтьев не сумел разглядеть настоящего лица сатирика, не понял, что стояло за гоголевской критикой окружающей «пошлости».

Представление о том, что Гоголь не только в «Тарасе Бульбе» и «Риме», но и в «Ревизоре» и «Мертвых душах» остается христианином, Леонтьев с порога отвергает. В одном из «Писем отшельника» (1879) он заявляет: «Самих себя, Россию, власти, наши гражданские порядки, наши нравы мы (со времен Гоголя) неумолкаемо и омерзительно браним. Мы разучились хвалить; мы превзошли всех в желчном и болезненном самоуничижении, не имеющем ничего, заметим, общего с христианским смирением» [34, т. 7, кн. 1, с. 539–540]. В том, что «брань» либеральных, оппозиционных писателей по поводу русской жизни не имеет ничего общего с христианским смирением, Леонтьев, вероятно, был прав. Однако только нечувствием критика к настоящему смыслу гоголевских созданий можно объяснить его мнение, будто христианский взгляд Гоголя на «пошлого» человека является «вредным». Не замечая подмены, Леонтьев опрометчиво обвиняет Гоголя в том, в чем повинен был не он, а его мнимые, непрошеные «подражатели».

Резонный ответ Леонтьеву на его суждение, будто обличение Гоголя «не имеет ничего общего с христианским смирением», можно найти в полемике Говорухи-Отрока с Розановым, единомышленником Леонтьева. Говоруха-Отрок писал: «...г. Розанов <...> говорит, что в продолжение десятилетий у нас позорили Россию на основании произведений Гоголя... <...> Мне понятно негодование г. Розанова. <...> А если этот человек невинен? <...> Он с жаром, страстью, с печалью и горечью отрицал то значение, которое приписывали его произведениям его усердные комментаторы; он жалел, что выпустил в свет *Мертвые Души* именно потому, что они подали повод к подобным комментариям — может быть из-за этого он сжег и

вторую часть своей поэмы. Но сожаления были напрасные. Все равно, западничество наше сказало бы свое отрицающее Россию слово и без *Мертвых Душ*. Они явились только предлогом и ничем больше. Гоголь напрасно мучился и напрасно винил себя. *Не он* создал кошмар, среди которого мы жили целые десятилетия... <...> Великий писатель только тем виноват, что все время оставался непонятым — непонят и до сих пор — и мало того, все время служил предлогом для обвинения России во всем, в чем только кому-нибудь приходило в голову ее обвинять... <...> ...Картины, созданные Гоголем, не временные, а вечные, <...> типы, созданные им, изображают не только временные уклонения, образовавшиеся под давлением известных житейских обстоятельств, а имеют свою основу в природе человеческой вообще. <...> Понять его нам мешает наша гордость — и только. <...> ...Трудно гордому, высокоценящему себя человеку признать и в себе черты пошлости — черты Собакевичей и Ноздревых, Маниловых и Хлестаковых. И вот гордый, высокоценящий себя человек или выделяет эту “пошлость” как бы в особую группу человечества, либо вовсе отрицает самую возможность этой пошлости... <...> Гоголь дал нам великий урок — урок смирения, и это надо понять; он сломил нашу гордыню — и это надо принять и признать» [27, с. 3–4].

Несмотря на несогласие Леонтьева с Говорухой-Отроком, занявшего в полемике позицию Розанова, нельзя не признать глубокой правоты розановского оппонента, когда тот пишет: «Мы помним, как встретили Гоголя <...> фарисеи его времени: они готовы были забросать его каменьями именно за то, что он сказал им: “вы таковы же как этот мытарь”. Позднее фарисейская логика нашла изворот: Гоголя признали, но, созерцая созданные им образы, восклицали: “благодарю Тебя, что я не таков как этот мытарь”, — и во имя этого своего изворота начали отрицать русскую жизнь. <...> Своими творениями Гоголь говорит нам: “вы все таковые как этот мытарь”, но не тот евангельский мытарь, который, “бия себя в перси”, восклицал: “Господи, буди милостив ко мне грешному!”, — а мытарь нераскаянный <...>. Это надо принять и признать, иначе Гоголь по-прежнему будет стоять над русскою жизнью как зловещее привидение, пугая одних <...> давая повод другим для душевного изворота, для оправдания своей собственной пустоты и душевной лени, наконец, подавая повод третьим для глумления над родиной своей и народом своим...» [28, с. 5].

По сути, в словах Говорухи-Отрока заключается повторение того суждения о Гоголе, какое высказал за три года перед тем, в 1888 г., в письме к самому Леонтьеву Тертий Иванович Филиппов. Т.И. Филиппов, известный православный мыслитель, историк и публицист, был лично знаком с Гоголем: он встречался с писателем в Москве в доме графа А.П. Толстого в 1852 г. [7, с. 267–269]. Леонтьев мнение Филиппова по поводу своей оценки гоголевского наследия — и вообще по поводу своей «несколько дерзкой манере говорить о Гоголе» [35, с. 489] — пожелал узнать сам. Филиппов, откликаясь на просьбу и имея в виду прежде всего статью Леонтьева «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (где, как уже отмечалось, критик назвал Гоголя «каким-то гениальным уродом» [34, т. 8, кн. 1, с. 298]), отвечал: «Критические статьи Ваши некоторыми своими сторонами огорчили меня глубоко. Гоголь Вами не понят. <…> …Он был последний идеалист, с возвышенным и строгим, в последние годы даже священным, настроением. <…> Это наша вина, что мы в родню ему приписали Белинского и его выводков. В этом и объяснение загадочному для многих сожжению "Мертвых Душ". Когда он увидел, в какой союз он попал без своей вины, то он осудил свою деятельность и разорвал все связи с своими эпигонами» [35, с. 492].

В дополнение к тому, что было сказано в XIX в. о Гоголе С.П. Шевыревым, Т.И. Филпповым и Ю.Н. Говорухой-Отроком, подчеркнем, что по своей сути все творчество Гоголя — это прежде всего борьба с неверием, с самодовольной пошлостью, с безнадежным самолюбованием грешного человека. Трезвый христианский взгляд Гоголя заключает в себе представление о том, как выглядит с духовной высоты, как бы в глазах Самого Бога, обольщающийся по поводу своих «прекраснодушных» чувств падший человек. Другое дело, что радикальные идеологи лукаво извратили это духовно-обличительное слово Гоголя, сделали его тараном для разрушения русской государственности. Но в авторских замыслах и в помине этого не было, никакого политического подтекста. В таком злоупотреблении гоголевских произведений сам Гоголь был неповинен. Как писал Говоруха-Отрок, «…западничество наше сказало бы свое отрицающее Россию слово и без *Мертвых Душ*» [27, с. 3]. История показала, что можно и само Евангелие использовать для разрушения неугодной по каким-либо причинам власти. Свою писательскую деятельность Гоголь всегда рассматривал как форму государственного и церковного служения.

Духовная, «пастырская» критика Гоголя светского общества была совершенно отвергнута его современниками, воспринявшими гоголевскую «сатиру» главным образом в политическом смысле. В XIX в. русская общественная мысль развивалась в основном под знаком декабризма — а не по тем началам, следовать которым призывало современников правительство. Вследствие этого «политизация» духовных обличений Гоголя была почти неизбежной в современной писателю либеральной среде, совершалась помимо его воли. Такую же судьбу разделили в XIX–XX вв. вместе с гоголевскими произведениями многие явления отечественной культуры. В 1847 г. в неотправленном письме к В.Г. Белинскому Гоголь упоминал о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, [объясняющих, что Христос по]велел отнимать имущества и гра<бить> тех, [которые нажили себе состояние]» [30, т. 14, с. 388]. «Логику» радикальных интерпретаций духовного наследия наглядно изобразил позднее Ф.М. Достоевский в рассуждениях тринадцатилетнего мальчика в «Братьях Карамазовых»: «...Я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи Он в наше время, Он бы прямо примкнул к революционерам и может быть играл бы видную роль. <...> Это еще старик Белинский <...> говорил» [32, с. 500]. По такой же логике в поэме А.А. Блока «Двенадцать» Спаситель оказывается «впереди» разгульных красноармейцев, т. е. «возглавляет» грядущую богоборческую власть (название поэмы — «Двенадцать» — исключает возможность «случайного» появления заключительных строк). Перетолковать и извратить можно все что угодно. «Всему можно дать дурной смысл, — писал Гоголь, — человек же на это способен» [30, т. 6, с. 57].

Идея воскрешения «мертвых душ», обращенная в гоголевских произведениях к каждому человеку лично, религиозный призыв к очищению нравов, восстановлению «узаконенного порядка» и «невидимая брань» с мистически реальным злом превращались под пером революционно-демократической критики в прямую проповедь уничтожения и человеконенавистничества. Попытка же Гоголя остановить такое, несовместимое с подлинной культурой, «употребление» его сочинений выдавалось, вопреки здравому смыслу, за умаление их «общественного звучания». Делая из обличительного пафоса Гоголя далеко идущие выводы и представляя писателя непримиримым врагом «старой России», радикальная критика вступала в противоречие с позицией самого Гоголя, открыто признававшегося

в любви к этой России и говорившего о своем смехе как «смехе сквозь слезы» [30, т. 5, с. 130], — явно подразумевая под этим слова св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам, где тот объясняет причины суровости, с какой он обличал коринфян за их прегрешения в предыдущем, Первом послании: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (гл. 2, ст. 4).

Во времена Леонтьева, как и позднее, даже не предпринималось попытки объяснить, почему Гоголь *не стал* тем «возвышенным» писателем, созидающим характеры сугубо положительные, «являющие высокое достоинство человека», — тем «великим всемирным поэтом», о котором сам писал в «Мертвых душах» [30, т. 5, с. 129], а встал в «ряд писателей, оскорбляющих человечество», «опустился» до сатиры. Гоголевское вполне продуманное, сознательное решение — стать сатириком — в истоке своем тоже было глубоко церковным (подробнее см.: [11]): исполненный грехами человек боится *обличения* его низких движений. Подобно тому, как на исповеди, когда пробуждающийся от нравственной спячки человек отдает себя — пред собой, пред испытующим свидетелем-священником и пред лицом Самого Бога — благотворному, но жесткому стыду и поношению, такую же, по убеждению Гоголя, небезболезненную, но благодетельную роль несет публичное поношение «пошлой» его сущности смехом: «...Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете» [30, т. 3/4, с. 468]. Обличительным смехом Гоголь предполагал *воспитывать* своих современников — а не вести их на баррикады, как впоследствии перетолковала смысл его произведений радикальная критика. Гоголь неоднократно подчеркивал, что его произведения носят исповедальный характер, являются исповедью его души. Но к словам писателя в обществе, зараженном радикализмом, никто не прислушался. Между тем именно здесь кроется разгадка призвания Гоголя как сатирика. Тесная связь в творчестве Гоголя между душеведением и сатирой объясняется глубоким христианским сознанием падшести человеческой природы. Согласно Гоголю, духовная оценка несовершенного состояния души *неизбежно* приводит художника к критическому пафосу: далекое от идеального состояние ни под каким предлогом *не может* быть предметом поэтического одобрения — как бы ни желал этого тот же Константин Леонтьев, — «низкое», греховное вправе претендовать только на

сатирическое изображение. Литература, определяемая трезвым, христианским взглядом, *закономерно,* по Гоголю, может быть *только* сатирой — если, конечно, писатель не заблуждается, не самообольщается по поводу «прекраснодушия» реального, падшего человека. Залогом *реалистичности* художественного образа становится нелицеприятная правда о греховном состоянии падшего Адама.

Гоголь был убежден, что без покаяния, без очищения от грехов не может быть духовного роста. Леонтьев-христианин словно забывает об этом при оценке гоголевских произведений. Еще в 1843 г. друг Гоголя С.П. Шевырев замечал по поводу «Мертвых душ»: «…Одна из прекрасных, Христианских сторон Русского характера и Русского духа есть всегдашняя готовность сознавать открыто свои народные недостатки. В некоторых лицах доходит оно, может быть, до вредной крайности, унижающей вместе с недостатками и самое существо Русского духа; но в массе происходит от доброго источника. Сознавайте народные пороки, сознавайте недостатки Отечества, трудитесь денно и нощно за тем, чтобы их уничтожить; но признавайте с тем вместе внутреннее, неизменное, Богом и Христом Его данное и освященное существо Русского человека. Так действовал и Петр: тем и велик он, что сознал недостатки своего народа, но с тем вместе питал и веру в славное его грядущее. <…> Да, Россия, как истинный Христианин, чем открытее, чем глубже будет исповедывать внутренние свои недостатки <…> — тем выше станет она перед лицем всех народов… Не бойся, не скрывай она никаких язв своих, а сознавай и лечи их скорым врачеванием… Лишь бы верила она в то, что коренное существо ее свято и вечно, и принадлежит не ей, а Самому Богу, давшему ей не даром такое огромное место и может быть, тысящелетиями неисчерпаемое назначение в мире» [42, с. 282–286]. «Мы всегда думали, — добавлял Шевырев и в 1847 г., — что Гоголь потому так чудно, так художественно, и так искренно, так сильно смеется над пошлостями Русского человека, что глубоко чует в нем высшую его породу, славное его назначение…» [43, с. 12].

В своих «сатирических», обличающих греховную человеческую природу произведениях Гоголь, по сути, «возвращал» психологизму его исконное значение. Ибо от церковного таинства исповеди и покаяния и ведет свое начало внимание человека христианской эпохи к внутреннему, душевному миру. Вместо самолюбования мнимой «красотой», беспристрастный ана-

лиз внутреннего мира неизменно вызывает у человека, искренне кающегося, чувства прямо противоположные — не самодовольство и одобрение, а «смущение», «страх», «стыд и посрамление» [30, т. 9, с. 91]. Апология, самооправдание и поэтизация человека-грешника для Гоголя, при его трезвом взгляде на человеческую природу, были невозможны. «Окурить упоительным куревом людские очи», «чудно польстить им <...> показав <...> прекрасного человека» [30, т. 5, с. 129] (вместо человека реального — падшего) Гоголь, по христианскому взгляду на окружающих — и на самого себя, не мог. Писатель исповедал падшесть, греховность человеческой природы. Закономерно, что, по оценке известного духовного писателя архимандрита Константина (Зайцева), смех Гоголя стал «великой религиозно-моральной силой» [16, с. 343].

Константин Леонтьев всю жизнь решал проблемы, поставленные Гоголем. Приемлемого их решения критик, к сожалению, так и не нашел. Главное недоразумение, которое мешало ему прийти к объективному восприятию гоголевского наследия, заключалось в том, что Леонтьев судил Гоголя не по действительному содержанию его творчества — не по «законам», самим художником «над собою признанным»[4], но по тем искусственным лекалам, навязанным обществу радикальной критикой, против которых решительно выступал сам Гоголь. Однако к голосу Гоголя никто, в том числе Леонтьев, не прислушался. Вопреки духовному характеру сатиры писателя его произведения долгое время продолжали интерпретироваться главным образом как таран для разрушения «старой России». Болезнь радикализма и западничества, полученная Леонтьевым в юности, мешала ему осознать христианский характер наследия Гоголя. До кардинальных выводов о подлинном содержании гоголевского творчества во времена Леонтьева было еще далеко.

4 Известное выражение Пушкина из письма к А.А. Бестужеву от конца января 1825 г.: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» [36, т. 13, с. 138]. Как указал В.Э. Вацуро [3, с. 242], пушкинские слова представляют собой парафраз характеристики Данте, данной поэту швейцарским историком С. де Сисмонди в книге «Из литературы Юга Европы» (1813): “...le Dante ne pouvait être jugé que par les lois qu’il s’était données” («О Данте можно было судить только по законам, которые он сам себе дал»; фр.) [44, с. 386].

Список литературы

Исследования

1 *Берлинер Г.О.* Чернышевский и Гоголь // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования: в 2 т. / под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 2. С. 472–533.

2 *Буш В.* Заметки об «Очерках гоголевского периода русской литературы» // Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под общ. ред. проф. С.З. Каценбогена. Саратов: [б. и.], 1928. С. 197–209.

3 *Вацуро В.Э.* Пушкин и Данте // *Вацуро В.Э.* Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 235–253.

4 *Венгеров С.А.* Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский // *Венгеров С.А.* Очерки по истории русской литературы / 2-е изд. СПб.: Тип. тов-ва Общественная польза, 1907. С. 247–378.

5 *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 3. С. 7–18.

6 *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 4. С. 51–67.

7 *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 7. 640 с.

8 *Виноградов И.А.* Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 2. С. 49–124. DOI: 10.15393/j9.art.2018.5181

9 *Виноградов И.А.* «Когда в товарищах согласья нет...» А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, С.С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1, № 1. С. 34–103. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

10 *Виноградов И.А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224

11 *Виноградов И.А.* Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 6–73. DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73

12 *Виноградов И.А.* О мнимом ничтожестве литературы русской и добросовестности ее комментаторов // Неутомимые странники. Сб. ст. к 80-летнему юбилею докторов филологических наук, профессоров Костромского государственного университета Ю.В. Лебедева и В.В. Тихомирова / науч. ред. Н.Г. Коптелова; отв. ред. А.К. Котлов. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 4–8.

13 *Гиллельсон М.* Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

14 *Журавлева А.В.* Гоголь и Леонтьев: особенности русского эсхатологического мировосприятия // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического ун-та им. Л.Н. Толстого. 2017. Июнь. Вып. II (22). С. 55–62.

15 *Иваск Ю.П.* Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. Кн. 2: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. С. 229–650.

16 *Константин (Зайцев)*, архимандрит. Гоголь как учитель жизни // Н.В. Гоголь и Православие / сост. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; вступ. ст. и примеч. И.А. Виноградова. М.: Отчий дом, 2004. С. 340–357.

17 *Котельников В.А.* Эстетика и критика К.Н. Леонтьева // *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текстов и коммент. В.А. Котельникова, О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 9. С. 497–579.

18 *Котельников В.А., Фетисенко О.Л.* Комментарии // *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текстов и коммент. В.А. Котельникова, О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. Т. 5. С. 771–931.

19 *Котельников В.А., Фетисенко О.Л.* Комментарии // *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текстов и коммент. В.А. Котельникова, О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2004. Т. 6. Кн. 2. С. 225–707.

20 *Котельников В.А., Фетисенко О.Л.* Комментарии // *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текстов и коммент. В.А. Котельникова, О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 9. С. 753–937.

21 *Пушкин С.Н.* Об идейных истоках историософских взглядов К.Н. Леонтьева // Вече. 1998. Вып. 11. С. 38–51.

22 *Скабичевский А.М.* Сорок лет русской критики. 1820–1860 // *Скабичевский А.М.* Сочинения: в 2 т. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1890. Т. 1. Стб. 279–572.

23 <*Сталин (Джугашвили) И.В.*> Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером // Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / сост. Л.В. Максименков. М.: Материк, 2002. С. 444–460.

24 *Тихомиров В.В.* Теоретические основы литературной критики Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Вып. 17. С. 58–75.

Источники

25 *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

26 *Вяземский П.А., князь.* Языков — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90. С. 417–422.

27 <*Говоруха-Отрок Ю.Н.*> *Николаев Ю.* Нечто о Гоголе и Достоевском. По поводу статьи В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе», Ф.М. Достоевского.

Русский Вестник, январь // Московские Ведомости. 1891. 26 янв. № 26. С. 3–4.

28 <*Говоруха-Отрок Ю.Н.*> *Николаев Ю.* Еще о Гоголе. По поводу статьи г. Розанова «Несколько слов о Гоголе», *Московские Ведомости,* № 46 // Московские Ведомости. 1891. 16 февр. № 74. С. 5–6.

29 *Говоруха-Отрок Ю.Н.* Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика / изд. подгот. А.П. Дмитриева и Е.В. Иванова. СПб.: Росток, 2012. Т. 1. С. 760–768.

30 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

31 Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2012.

32 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.

33 *Леонтьев К.Н.* Избранные письма. 1854–1891 / публ., предисл. и коммент. Д.В. Соловьева; вступ. ст. С. Носова. СПб.: Пушкинский фонд. 1993. 640 с.

34 *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текстов и коммент. В.А. Котельникова, О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–.

35 <*Леонтьев К.Н., Филиппов Т.И.*> Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2012. 728 с.

36 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1959.

37 В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии / сост. Е.В. Ивановой; изд. подгот. А.П. Дмитриев, В.Н. Дядичев, Е.В. Иванова, Г.Б. Кремнев, П.В. Палиевский. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

38 <*Самарин Ю.Ф.*> *М... З... К...* О мнениях Современника исторических и литературных // Москвитянин. 1847. № 2. С. 133–222.

39 *Фудель И., протоиерей.* Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо к С.Н. Дурылину) // *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2012. Приложение. Кн. 1. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи, Воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. С. 433–466.

40 *Хомяков А.С.* О возможности Русской художественной школы // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М.: В тип. Семена, 1847. С. 319–358.

41 *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8. С. 346–376.

42 *Шевырев С.* Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 274–298.

43 *Шевырев С.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 1–29.

44 <*Simonde de Sismondi J.C.L.*> De la littérature du Midi de l'Europe, par J.C.L. Simonde de Sismondi. Paris: Chez Treuttel et Würtz, Libraires, rue de Lille, Ancien hôtel de Lauraguais, no. 17; Et à Strasbourg, même Maison de Commerce, 1813. Vol. 1. 444 p.

References

1 Berliner, G.O. "Chernyshevskii i Gogol'" ["Chernyshevsky and Gogol"]. *N.V. Gogol'. Materialy i issledovaniia: v 2 t.* [*N.V. Gogol. Materials and Research: in 2 vols.*], vol. 2, ed. by V.V. Gippius. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, pp. 472–533. (In Russ.)

2 Bush, V. "Zametki ob 'Ocherkakh gogolevskogo perioda russkoi literatury'." ["Notes on 'Sketches of the Gogol Period of Russian Literature'."]. *Nikolai Gavrilovich Chernyshevskii. 1828–1928. Neizdannye teksty, materialy i stat'i* [*Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky. 1828–1928. Unpublished Texts, Materials and Articles*], ed. by S.Z. Katzenbogen. Saratov, 1928, pp. 197–209. (In Russ.)

3 Vatsuro, V.Ie. "Pushkin i Dante" ["Pushkin and Dante"]. Vatsuro, V.Ie. *Pushkinskaia pora* [*Pushkin's Time*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 235–253. (In Russ.)

4 Vengerov, S.A. "Velikoe serdtse. Vissarion Grigor'evich Belinskii" ["Great Heart. Vissarion Grigorievich Belinsky"]. Vengerov, S.A. *Ocherki po istorii russkoi literatury* [*Essays on the History of Russian Literature*], 2nd ed. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva Obshchestvennaia pol'za Publ., 1907, pp. 247–378. (In Russ.)

5 Vinogradov, I.A. "Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu 'Mertvykh dush'." ["Blessed are the Peacemakers. From the Story of Two Ivans to the Concept of 'Dead Souls'."]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia,* no. 3, 2017, pp. 7–18. (In Russ.)

6 Vinogradov, I.A. "Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu 'Mertvykh dush' (prodolzhenie)" ["Blessed are the Peacemakers. From the Story of Two Ivans to the Concept of 'Dead Souls' (Continued)"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia*, no. 4, 2017, pp. 51–67. (In Russ.)

7 Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): v 7 t.* [*Chronicle of the Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852): in 7 vols.*], vol. 7. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

8 Vinogradov, I.A. "Literaturnaia propoved' N.V. Gogolia: pro et contra" ["N.V. Gogol's Literary Sermon: Pro et Contra"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 2, 2018, pp. 49–124. DOI: 10.15393/j9.art.2018.5181 (In Russ.)

9 Vinogradov, I.A. "'Kogda v tovarishchakh soglas'ia net…' A.S. Pushkin, N.V. Gogol', S.S. Uvarov" ["'When There is No Agreement among the Comrades…' A.S. Pushkin,

N.V. Gogol, S.S. Uvarov"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 1, 2019, pp. 34–103. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103 (In Russ.)
10 Vinogradov, I.A. "Fenomen zapadnichestva v slavianofil'stve: vzgliad Gogolia" ["The Phenomenon of Westernism in Slavophilia: Gogol's View"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019, pp. 189–224. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224 (In Russ.)
11 Vinogradov, I.A. "Psikhologizm N.V. Gogolia" ["Psychologism of N.V. Gogol"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 4, 2020, pp. 6–73. DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73 (In Russ.)
12 Vinogradov, I.A. "O mnimom nichtozhestve literatury russkoi i dobrosovestnosti ee kommentatorov" ["About the Alleged Insignificance of Russian Literature and the Conscientiousness of Its Commentators"]. *Neutomimye stranniki. Sbornik statei k 80-letnemu iubileiu doktorov filologicheskikh nauk, professorov Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta Iu.V. Lebedeva i V.V. Tihomirova* [*Tireless Wanderers. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Doctors of Philological Sciences, Professors of Kostroma State University named after Yu.V. Lebedev and V.V. Tikhomirov*]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, pp. 4–8. (In Russ.)
13 Gillel'son, M. "Neizvestnye publicisticheskie vystupleniia P.A. Viazemskogo i I.V. Kireevskogo" ["Unknown Publicistic Speeches of P.A. Vyazemsky and I.V. Kireevsky"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1966, pp. 120–134. (In Russ.)
14 Zhuravleva, A.V. "Gogol' i Leont'ev: osobennosti russkogo eskhatologicheskogo mirovospriiatiia" ["Gogol and Leontiev: Features of the Russian Eschatological Perception of the World"]. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo*, june, issue II (22), 2017, pp. 55–62. (In Russ.)
15 Ivask, Iu.P. *Konstantin Leont'ev (1831–1891). Zhizn' i tvorchestvo* [*Konstantin Leontiev (1831–1891). Life and Works*]. *K.N. Leont'ev: pro et contra. Antologiia* [*K.N. Leontiev: Pro et Contra. Anthology*], book 2: Lichnost' i tvorchestvo Konstantina Leont'eva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei posle 1917 g. [The Personality and Work of Konstantin Leontiev in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers after 1917]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1995, pp. 229–650. (In Russ.)
16 Konstantin (Zaitsev), archimandrite. "Gogol' kak uchitel' zhizni" ["Gogol as a Teacher of Life"]. *N.V. Gogol' i Pravoslavie* [*N.V. Gogol and Orthodoxy*], comp. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev, introd. and notes by I.A. Vinogradov. Moscow, Otchii dom Publ., 2004, pp. 340–357. (In Russ.)
17 Kotel'nikov, V.A. "Estetika i kritika K.N. Leont'eva" ["Aesthetics and Criticism of K.N. Leontyev"]. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t.* [*Complete Works and Letters: in 12 vols.*], vol. 9, texts prep. and comm. by V.A. Kotelnikov, O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014, pp. 497–579. (In Russ.)
18 Kotel'nikov, V.A., Fetisenko, O.L. "Kommentarii" ["Comments"]. Leont'ev, K.N. *Polnoe*

sobranie sochinenii i pisem: v 12 t. [*Complete Works and Letters: in 12 vols.*], vol. 5, texts prep. and comm. by V.A. Kotelnikov, O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 771–931. (In Russ.)

19 Kotel'nikov, V.A., Fetisenko, O.L. "Kommentarii" ["Comments"]. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t.* [*Complete Works and Letters: in 12 vols.*], vol. 6, book 2, texts prep. and comm. by V.A. Kotelnikov, O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, pp. 225–707. (In Russ.)

20 Kotel'nikov, V.A., Fetisenko, O.L. "Kommentarii" ["Comments"]. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t.* [*Complete Works and Letters: in 12 vols.*], vol. 9, texts prep. and comm. by V.A. Kotelnikov, O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014, pp. 753–937. (In Russ.)

21 Pushkin, S.N. "Ob ideinykh istokakh istoriosofskikh vzgliadov K.N. Leont'eva" ["On the Ideological Sources of the Historiosophical Views of K.N. Leontyev"]. *Veche*, issue 11, 1998, pp. 38–51. (In Russ.)

22 Skabichevskii, A.M. "Sorok let russkoi kritiki. 1820–1860" ["Forty Years of Russian Criticism. 1820–1860"]. Skabichevskii, A.M. *Sochineniia: v 2 t.* [*Works: in 2 vols.*], vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo F. Pavlenkova Publ., 1890, cols. 279–572. (In Russ.)

23 Stalin (Dzhugashvili), I.V. "Zapis' besedy tovarishcha Stalina s germanskim pisatelem Lionom Feikhtvangerom" ["Recording of the Conversation between Comrade Stalin and the German Writer Lyon Feuchtwanger"]. *Bol'shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956* [*Great Censorship: Writers and Journalists in the Land of the Soviets. 1917–1956*], comp. by L.V. Maksimenkov. Moscow, Materik Publ., 2002, pp. 444–460. (In Russ.)

24 Tihomirov, V.V. "Teoreticheskie osnovy literaturnoi kritiki N.G. Chernyshevskogo" ["Theoretical Foundations of the Literary Criticism of N.G. Chernyshevsky"]. *N.G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniia i materialy. Sbornik nauchnykh trudov* [*N.G. Chernyshevsky. Articles, Research and Materials. Collection of Scientific Papers*], issue 17. Saratov, Nauka Publ., 2010, pp. 58–75. (In Russ.)